

Николай Сладков «Как заяц всех напугал»

Прыгал Заяц по кустикам и причитал:

— Пропала моя головушка, что я, глупец, сам с собой наделал! Прощайте, друзья-товарищи...

Услышала Зайца хохлатая Сойка и спрашивает:

— Что с тобою, косой? Что такое случилось?

А Заяц её и не слышит: уши в стороны, глаза под ноги, хвост дрожит. Смотреть на косого жалко.

— Заяц, тебя ведь спрашивают! — Белка с ёлки кричит. — Вчера бодрый был, жизнерадостный, а сегодня хнычешь и убиваешься.

— Хотя ни Лисы и ни Волка вблизи не видно! — кричит с берёзы Сойка. — Кого же ты испугался?

Сел Заяц на пяточки, потёр щёки лапками, отвечает:

— Э-э, друзья! Что мне Лисица и Волк — это дело привычное. От них и удрать недолго. А у меня пострашней оказался враг.

— Уж не Филин ли или Ястреб? — шепчет Белка.

— И от Филина с Ястребом скрыться можно. А от моего врага ни спрячешься, ни укачешь! — тоскует Заяц. — Потому что враг этот страшный — я сам! Я сам себе первый враг! И гибель моя неминуема...

Сойка с Белкой переглянулись.

— Своими ушами слышал! — хнычет Заяц. — «Ноги застудишь — заболеешь. Кто снег ест — может и помереть!» А я всю зиму по снегу босой! И снег всю зиму грызу! Простуда верная: насморк, кашель, температура — а там и конец!

Упал Заяц в снег и затрепыхался от горя.

— Ни носков, ни валенок у меня! — кричит. — И последняя полынья на речке замёрзла...

Тут и Белка с Сойкой перепугались. Ведь и они всю зиму босиком прыгают, и они вместо воды снег едят — что-то будет?

Первой Белка опомнилась.

— Что-то, — говорит, — Заяц, тут не так! Ты босиком и я босиком. Все в лесу босиком. А никто ещё вроде не простудился! Ты который год босиком, а жив. Жив ты или не жив?

— Вроде жив... — шепчет Заяц. — Пока...

— Вот видишь! — стрекочет Белка. — Раз в прошлые зимы не околел, чего же в нынешнюю испугался?

Тут и Сойка опомнилась.

— И горлышку снег не страшен! Ты снег грызешь — я снег клюю. Все зимой снег глотают, а никто что-то не кашляет. Ты хоть раз слышал, чтобы Лисица кашляла? Или Волк? Даже Филин с Ястребом? И сам никогда не кашлял.

Но Зайца это не успокоило.

— Я ведь ещё, — говорит, — разгорячённый в снегу валялся! А от этого, слышал, может такая простуда случиться, что скрючит тебя и узлом завяжет!

— Ты лучше на лесных жителей погляди, — успокаивает Сойка. — Все в снегу на морозе спят, а скрюченных и не видно. Косули и лоси спят, лисицы и волки спят. А тетерева, глухари и рябчики в снег с головой зарываются — и хоть бы что! А Оляпка да Выдра даже купаются в полынье!

— И в самом деле! — взбодрился Заяц. — Валяются, спят, купаются — и ничего!

Но вспомнил снова о том, что слышал, — и снова перепугался!

— Шубу, шубу ещё нельзя на морозе расстегивать. Особенно опасно распахиваться на ветру!

Тут смолкли все и на Зайца уставились.

— Нельзя и не надо! — сказала Сойка. А Белка добавила озадаченно:

— Как это шубу распахивать? Не могут пушные звери шубы свои расстегивать.

А Заяц не понимает:

— Ещё, слышал, говорили... Белка на ёлке не выдержала:

— Слыхал, слыхал, говорят, говорят! Где ты слыхал? Кто говорил?

— Сегодня слыхал. Рано утречком по холодку. У лесниковой избушки. Снег, мол, не ешьте, сосульки, мол, не сосите, шубейки не распахивайте и в снегу не катайтесь. А то, мол, заболеееете!

Тут все облегченно вздохнули и стали Зайца стыдить.

— Так это ж радио для ребят говорило! — вскричала Сойка. — Для птенцов человеческих, а не для нас. Это им, непривычным, нельзя то и то. А нам, закалённым, то и то можно!

— Путаник ты, косой! — застрекотала Белка. — Нам сосульки, как им эскимо! А от мороза и снега мы только крепче становимся. Это человеческие детёныши пусть радио слушают и берегутся.

— Либо пусть закаляются, как мы!

И Заяц ухнул в снег, покатался, взбрыкивая ногами, а потом вскочил и так припустил, что только снежинки взлетели вихрем! Сразу видно, что снег и мороз закалённому не страшны, они ему только на пользу.